

- скими и другими индоевропейскими языками) // Советское славяноведение, 1982, 5, 83–90; Orel V.E. Albanian nominal inflexion: Problems of origin. // Zeitschrift für Balkanologie, 1983, XIX, 2, 121–130; *Idem*. Der indogermanische Akzent im Albanischen // Zeitschrift für Balkanologie, 1987, XXIII, 2, 140–150.
- ¹¹ См.: Orel V.E. Fragen der vergleichenden und historischen Grammatik des Albanischen // Zeitschrift für Balkanologie, 1986, XXII, 1, 86–87.
- ¹² О принадлежности *mǐgь к акцентной парадигме с см., например: Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981, 93 (относительно производного *mǐgьль); Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985, 137.
- ¹³ Ср.: Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, 36.
- ¹⁴ См.: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, 282.
- ¹⁵ Как, например, предполагавшаяся связь *paхь с *paхnqti (Преображенский II, 30). Впрочем, заслуживает внимания любопытная семантическая интерпретация, лежащая в основе этой этимологии и ориентированная на внутреннюю реконструкцию значения ('тяжело дышать' для *paхnqti, что позволяет автору далее использовать речения типа *vodить пахами* (о лошади), то есть 'тяжело дышать, двигая подреберной частью боков'.
- ¹⁶ Предложенная выше внутренняя реконструкция *paхь как 'соединения', 'счленения' заставляет задуматься и об этимологическом статусе *paхati 'пахать, копать', строго говоря, представленного только в польск. *paсhać* и рус. *пахать* (отношение к ним чеш. *páchatí* и словац. *páchat* 'делать, совершать, учинять', вообще говоря, не столь очевидно). Не исключено, что перед нами отыменное образование, образованное от того же *paхь как обозначения сохи, зрительно напоминающей раздвоенные сочленения паха и подмышки.
- ¹⁷ По данным Картотеки «Словаря русского языка XI – XVII вв.», согласно указанию в кн.: Из истории русских слов. М., 1993, 129.
- ¹⁸ Едва ли сюда относится чеш. *párák* 'халтурщик' (ср. Преображенский II, 18; Фасмер III, 206 – в обоих словарях форма приводится неточно), которое более или менее бесспорно может быть увязано с *páрати se*.
- ¹⁹ См.: Топоров В.И. О происхождении нескольких русских слов: (К связям с индоиранскими источниками) // Этимология 1970. М., 1972, 23–37. Впервые эта этимология вскользь была упомянута в работе: Тревер К.В. Древнеиранский термин *parna* (К вопросу о социально-возрастных группах) // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1947, 1, 84.
- ²⁰ О последнем см.: Варбот Ж.Ж. Заметки по славянской этимологии. // Этимология 1970. М., 1972, 78–81.

А.А. Калашников*

ПОЛЬСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I

Pusto и *puślisko*

Существительное *pusto* приводится в Варшавском словаре в значении 'ремень, соединяющий стремя с седлом' (Варшавский словарь V, 438). Там же приведены и формы *puślisko* и *poślisko* (последняя охарактеризована как старая), в том же значении. Какие-либо контексты или ссылки на источники отсутствуют. Авторы Варшавского словаря не предложили объяснения для данных слов. С.Б. Линде

* © А.А. Калашников

приводит в своем словаре существительные *puślisko* и *poślisko* ср. р. 'стременной ремень; путы, оковы (также перен.)', сопровождая их рядом контекстов, ср.: *Dziś ieśli komu urwie się puślisko* Bardzo słabo na koniu, bardzo siedzi ślisko (W. Potocki. *Poczet herbów*. 1696); *On na grzbiecie drżący przyiął pośliski* Byle od śmierci uniknąć blizkiej (Гораций: "Iora sensit", в переводе Ф.Д. Князьнина), также *puśliska* мн. ч. 'путы' (Linde II, 1278, s. v. *puścić*, правда, с выделением в скобках). Ср. и диал. (окрестности Тыкоцина, совр. Белостокское воеводство) *puśliska* мн. ч. 'ремешки, на которых стремя подвешены к седлу' (Karłowicz IV, 456). Наконец, сюда же можно присоединить и вариант *puszliisko*. Эта форма, охарактеризованная как старая, помещена в Варшавском словаре отдельно от предшествующих и определяется как 'часть конской сбруи': *Pólsze, puszliiska, nagłówki, cugle tak przedawać, jakośmy ustawili* (M. Bielski) (Варшавский словарь V, 442).

А. Брюкнер, рассматривая слово *puślisko* 'ремень у седла', отмеченное с XVI в., вместе с вариантом *puszliisko* (слова *pusto* не приводит), предположил (в осторожной форме), что речь может идти о заимствовании и привел в качестве возможной параллели тур. *pusat* 'конское снаряжение, вооружение' (Brückner 449). На наш взгляд, существует возможность иного объяснения приведенных польских слов. Соотносительные в плане семантики формы находим в русском диалектном материале. Ср. сев.-рус. *путьце* ср. р. 'кожаная мочка, стремя на лыжах для ноги' (Даль² III, 538), а также *путло* ср. р., *путлице* 'путо, пута, чем путают коней; ремень, на котором привешено к седлу стремя; три нити от верхних углов и середины бумажного змея, сходящиеся в одну точку, где привязывается возжиза для спуска змея', *пътло, пътли* мн. ч. 'путлице бумажного змея' (Даль² III, 543, без указ. места). Приведенные русские формы в целом убедительно интерпретировал Я. Калима, реконструировав праформу **pǫtlo*; тогда рус. *путьце* продолжает производное от этой формы с суф. *-ьце*, а для рус. *пътло* восстанавливается праформа с суф. *-ьло* или *-ьло*¹. В форме последнего типа можно было бы видеть и результат вторичного воспроизведения более старого имени с расширенным суффиксом, в духе тенденции к тематизации суффиксальных образований. Обратимся теперь к древнерусскому (старорусскому) материалу, не учтенному (как и возможные инославянские соответствия) Я. Калимой. В "Словаре русского языка XI–XVII вв." находим не только *путло* ср.р. 'ремень, на котором привешено к седлу стремя' и *путлице* ср.р. то же (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 62, с примерами XVII в.), но и *пуслице* (с вариантом *пустлице*), с тем же значением, ср.: *Снасть седел(ь)ную, подпруги и пуслица и пристуги* (Кн. прих.-расх. Волокол. м. № 1028, 113 об. 1576 г.) (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 49). Ср. и прилагательное *пуслииный* (*пустлииный*): *Куплено тритцать пряжокъ пустлииных, дано три алтына* (Кн. расх. Болд. м. 134. 1599 г.) (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 48). Вернемся теперь к польск. *pusto* 'стременной ремень', для которого мы

предполагаем заимствование из слабо засвидетельствованного вост.-слав. *пусло* (производящего для ст.-рус. *пуслище*), восходящего, в свою очередь, к праслав. *pqtslo. Семантическая сторона данного сближения очевидна, вплоть до полного совпадения значений. На вост.-слав. почве соответствующий круг значений представлен у образований разной степени древности, явно исконных. Реконструируемое здесь праслав. *pqtslo правомерно рассматривать как соотносительное с упомянутым выше *pqtlo. Речь идет об одном из случаев вариантности суффиксальной структуры праславянских имен с суф. *-lo* и *-slo*. Преимущественно к корням с конечным зубным согласным присоединяется суф. *-slo*², но известны случаи, подобные данному, ср. *prędlo: **prędslo*³.

Таким образом, источником польск. (ст.-польск.) *pusto* 'стременной ремень', *puślisko* 'стременной ремень; путы, оковы' стали восточнославянские формы, восходящие, в конечном счете, к праслав. *pqtslo, производному от глагола *pqtati.

Sczybry

В польских диалектах (в окрестностях Кракова) отмечено существительное *sczybry* 'валежник, сухие ветки в лесу' (Karłowicz V, 111; Варшавский словарь VI, 54). Уже авторы Варшавского словаря выделили в этом слове корень *szczyb-*. Позднее польское слово не привлекало к себе внимания этимологов, даже при разборе явно родственной лексики. Так, В. Махек, рассматривая чеш. (морав.) и словац. глагол *štibrati* 'обгрызать, обламывать края' и вост.-чеш. *štibra* 'обломок камня, кирпича', отрицает наличие соответствий в других слав. языках и объясняет *štibrati* как итератив от *ščrbiti*, т.е. *ščrbjati, с переходом *r* → *ir* и перемещением *r* на место *j* (Machek² 625). Наиболее убедительное и полное на сегодняшний день исследование соответствующего круга образований принадлежит Л.В. Куркиной⁴, которая обосновала существование производных с суффиксальным *-r-* от глаголов *ščebati и **ščibati*⁵; среди таких производных с отражением ступени удлинения редукции в корне ею рассматриваются приведенные выше чеш. и словац. формы, а также блр. диал. *шчы́бер* 'вьюшка в дымоходе' (Бялькевич 503) и прилагательные *шчы́бры* и *шчы́бра́ву* 'щуплый' (Тураўскі слоўнік 5, 345)⁶.

Представляется логичным присоединить сюда же и польск. диал. *sczybry*, поскольку валежник – это хворост, обломанный ветром, ср. значения 'крошить, ломать, драть', реконструируемые для *ščebati (: укр. *щєбáти* 'отщипывать, обрывать' (Гринченко IV, 523), рус. *щєбень* 'битый, измельченный камень; природный мелкий камень, галька' (Даль² IV, 651) и т.д.). Далее, в чешских диалектах находим не только *štibra* 'осколок камня' и *štibr* 'откушенный щипцами кусок железа' (Kott III, 960), но и лях. (около Опавы) *štibr* и *štiber* 'щавель' (там же). Кажется возможным включить в число продолжений праслав.

*šćibrъ и эти последние формы: щавель – растение с кислым, едким, острым соком, поэтому названием этого растения может быть производное от глагола со значением ‘драть, скрести и под.’.

В заключение остановимся на ст.-польск. существительном *szczebrzuch*, *szczebrzuchy* ‘домашняя утварь’ (1423, 1426...; Sł. stpol. VIII, 537–538), также ‘имущество; приданое невесты’, *szczebrzuch*, *szczebrzucha* бот. ‘кервель листовой, *Anthriscus cerefolium* Hoffm., овощное растение’ (Варшавский словарь VI, 578). Это слово считается производным от слабо засвидетельствованного *szcebrъ* и сближается с рус. *щепень* (Brückner 543). В таком случае значение ‘домашняя утварь, пожитки’ логично объяснялось бы как результат развития значения ‘мелочь, мелкие вещи’. То же верно и для значения ‘овощи, зелень’. Согласно другой версии, ст.-польск. слово представляет собой сложение двух элементов и находит параллель в рус. *стрень-брень* и *стрынь-брынь* ‘пожитки’⁷. Решающим аргументом в пользу объяснения А. Брюкнера может считаться фиксация польск. *szczebrzuch* еще в одном значении, на которое при анализе этого слова прежде не обращали внимания, а именно – ‘обломок, осколок’, ср. цитату из Г. Сенкевича: *Żeleźce mi się między żebrami rozszerpiło, i szczebrzuch ostał we mnie* (Варшавский словарь VI, 578). Недостававшее (предполагавшееся) семантическое звено восстановлено, связь с праслав. *šćebati может считаться доказанной.

Примечания

¹ Kalima J. Zur slavischen Etymologie // ZfslPh. Bd. XX, 1950, 414–415. Ср. также Фасмер III, 405, s. v. нýльце, с реконструкцией *pŕtŕьlьce, точнее было бы *pŕtŕьlьce; о рус. пуплѡб: Преображенский II, 156; Фасмер III, 412.

² Meillet A. Études sur l' étymologie et le vocabulaire du vieux slave. II. Paris, 1905. 415.

³ Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. 216–217.

⁴ Куркина Л.В. Щебрá. Ряжь. Загызнуть. Прбстень // Современные русские говоры. М., 1991. 175–176.

⁵ Специально о праслав. *šćebati (*šćьbati) и соотносительном итеративе с удлинением корневого гласного см.: Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // Этимология. 1971. М., 1973. 3–4.

⁶ Куркина Л.В. Указ. соч.

⁷ Otrębski J. Życie wyrazów w języku polskim (= Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk. Prace komisji filologicznej. T. XII. Zesz. 2). Poznań, 1948. 105 (351). Даль приводит эти слова в значении ‘хлам, скарбишка, всякая ветошь, ничтожные пожитки’ (Даль² IV, 339).